

В. Я. Сергин^а

^а Институт археологии РАН,
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия
[sergin81@bk.ru]

^а Institute of Archaeology RAS,
19, Dm. Ulyanov, Moscow, 117292, Russia
[sergin81@bk.ru]

Кирилловское поселение: ход изучения и проблемы структуры

Материал поступил 24.09.2020, доработан 16.10.2020, принят 26.10.2020

«Кирилловская стоянка... по тому материалу,
который она дала — интересна, загадочна и,
как кажется, навсегда».

Л. Е. Чикаленко. Из рукописного отчёта

Резюме. Кирилловское поселение исследовалось В. В. Хвойко посредством раскопок в 1893–1897 гг. и наблюдения при промышленной съёмке грунта в 1899–1902 гг. После В. В. Хвойко большое внимание изучению памятника уделили П. И. Борисовский, В. И. Громов и И. Г. Пидопличко. Пересмотр имеющихся материалов склоняет к мысли, что памятник являлся единым поселением. Оно, вероятно, состояло из нескольких жилищ или жилищных комплексов, примыкающей к ним зоны активной хозяйственной деятельности и «гнезд» — мест обработки камня. Много культурных остатков встречено за пределами поселения. Среди них известный бивень с гравировкой. По-видимому, поселение обладало всеми основными особенностями, характерными для памятников охотников на мамонта Приднепровья.

Ключевые слова: верхний палеолит, Среднее Приднепровье, стратиграфия, объекты, кости мамонта.

Sergin V. Ya. Kirillovskoe settlement: history of research and problems of the structure. Kirillovskoe settlement was investigated by V.V. Khvoiko through excavations in 1893–1897 and through observations during industrial quarrying in 1899–1902. After V.V. Khvoiko, a great attention to the study of the site was paid by P.I. Boriskovsky, V.I. Gromov and I.G. Pidoplichko. A revision of the available materials suggests that the site was a single settlement. It appears to have consisted of several dwellings or dwelling complexes, a zone of economic activity adjacent to them, and so called «nests», *i. e.* places where stone-working took place. Many cultural remains, including a famous mammoth tusk with an engraved pattern, were found outside the settlement. The settlement seems to possess all the main features characteristic of the sites that were left behind by mammoths hunters in the Dnieper region.

Keywords: Upper Paleolithic, Middle Dnieper, stratigraphy, features, mammoth bones.

Введение. В отличие от большинства верхнепалеолитических памятников Восточной Европы, выявленных в последней трети XIX в. и успешно изучавшихся впоследствии, остатки Кирилловского поселения исчезли вскоре после

обнаружения, а имеющиеся сведения не позволяют составить о нём чёткое представление. Истории исследования памятника, его значению и судьбе связанных с ним коллекций недавно была посвящена специальная статья (Радзиевская, Беленко 2011). Задачей данной работы является рассмотрение структурных частей памятника и их соотношения. С некоторой долей вероятности это позволяет установить его первоначальные особенности. Согласно В. В. Хвойко, памятник не был ни стоянкой, ни поселением, а представлял собой комплекс, состоявший из разновременных стоянок и поселения. До завершения работы будем условно называть его поселением.

Поселение располагалось на правом высоком берегу Днепра в одном из рано освоенных мест Киева. Его остатки, обнаруженные В. В. Хвойко в 1893 г., залежали в основании концевой части протяжённого мыса, образованного оврагами, длинным языком полого спускающегося с плато к северу, на Подол. Края его крутые, а конец не доходил около 40 м до Кирилловской улицы (рис. 1А). В полевом изучении памятника выделяются два этапа. Первый — от 1893 до 1897 года, когда оно велось посредством раскопок, второй — с 1899 до 1902 года, когда имела возможность лишь наблюдать за появлением культурных остатков в процессе промышленной разработки пород мыса и подбирать отдельные кости и другие предметы (рис. 1Б).

Сведения по исследованиям на Кирилловском мысу содержатся в ряде публикаций (Армашевский, Антонович 1897; Армашевский 1902; Хвойко 1901; 1903; 1913). Рукописи, наброски и отрывочные записи В. В. Хвойко, являвшиеся подготовительными материалами для отчётов, а также и сами рукописные отчёты мало разнятся и с небольшими вариациями соответствуют текстам публикаций. Принципиальные противоречия отсутствуют. Всё же рукописи и черновики писем В. В. Хвойко разным адресатам содержат, естественно, некоторые детали, не отражённые в публикациях. Они учитываются в предлагаемой работе. Исключительно ценны рисунки В. В. Хвойко, позволяющие составить общее представление о положении культурных остатков.

Раскопки 1893–1896 гг. на северо-восточном краю Кирилловского мыса

Первые кости и кремни встретились В. В. Хвойко при обследовании небольшого обнажения в северо-восточной части мыса, у его подошвы. Благодаря консультации В. Б. Антоновича и П. Я. Армашевского местонахождение было сразу же определено как следы пребывания человека древнекаменного века. После обнаружения первых костей мамонта и кремнёвых изделий В. В. Хвойко задался целью оставлять все найденные кости после расчистки на месте до конца работ для последующего изучения и зарисовки. Рабочие снимали откос в северо-восточной части мыса до уровня залегания культурных остатков, а В. В. Хвойко с помощниками производили расчистку. Однако спустя несколько дней методику работ пришлось значительно упростить, поскольку останцы с костями были разрушены, а кости частично разобраны местными жителями, убеждёнными в их целебных свойствах. В дальнейшем кости приходилось снимать и уносить после их зарисовки или фотографирования. Наиболее полные сведения об исследованиях этого периода содержатся в двух работах В. В. Хвойко (Хвойко 1896, 1901).

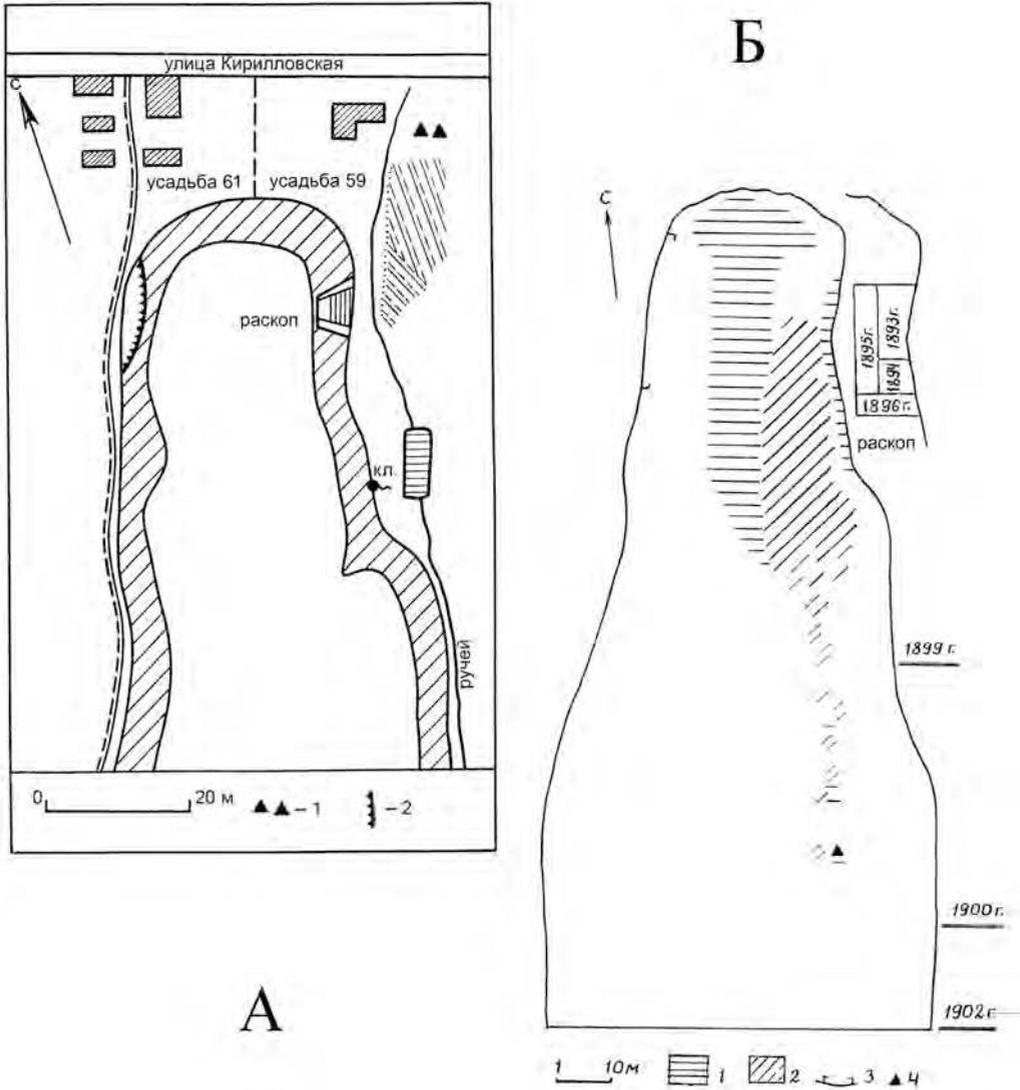

Рис. 1. Кирилловский мыс. Схемы расположения исследованных участков. А. Мыс в начале исследований. 1 — находки бивней мамонта; 2 — обнажение с «гнездами» культурных остатков (Научный архив ИА НАНУ. Архив В. В. Хвойко). Б. Авторская реконструкция хода археологических раскопок (1893–1896) на Кирилловском мысу и его промышленной разработки. 1 — скопление крупных костей мамонта; 2 — «кострище»; 3 — приблизительная граница расположения «гнезд» культурных остатков; 4 — местоположение бивня с гравировкой

Fig. 1. Kirillovsky promontory, schematic location of studied areas. A. Promontory in the beginning of the research. 1 — finds of mammoth tusks; 2 — outcrop with “nests” of cultural remains (V. V. Khvoiko’s archive at the Scholarly Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). Б. Author’s reconstruction of the process of archaeological excavations (1893–1896) and quarrying works on the promontory. 1 — accumulations of large mammoth bones; 2 — “fire place”; 3 — approximate boundaries of the “nests”; 4 — place where the engraved tusk was found

В 1893 г. была вскрыта площадь 13×6 м. Вдоль внешнего края раскопа обнаружилось большое количество костей мамонта, в том числе 17 целых и обломанных бивней длиной от 55 до 197 см. Два бивня находились в сочленении с верхней челюстью. На поверхности бивней во многих местах, главным образом возле концов, наблюдались следы ударов, поперечные царапины, различные ямки. Отмечены следы обжига на бивнях, возможно, являвшиеся марганцовистым налётом. На нескольких бивнях имелись сколы. Вместе с бивнями были найдены две нижние челюсти, семь крупных костей конечностей и пять лопаток мамонта. Кости залегали разрозненно (рис. 2). Кроме них отмечено небольшое количество изделий из кремня. Они лежали поодиночке и чаще всего «ниже костей», то есть, вероятно, на уровне поверхности, с которой были связаны кости.

К западу содержание культурного слоя изменялось. Костей становилось значительно меньше, у южного конца раскопа они отсутствовали. Вместо костей на том же уровне стали встречаться угли. Количество их увеличивалось, переходя в сплошной, но неравномерный горизонтальный слой мощностью до 2–5 см (Армашевский 1902: 142). В некоторых местах толщина этого слоя «на протяжении 1 аршина доходила до весьма значительных размеров, много превосходивших толщину остального слоя. В этих утолщениях, кроме угля и золы мы всегда находили как бы нарочно сложенные разбитые кости мамонта

Рис. 2. Раскопки 1893 г. Рис. В. В. Хвойко (Фотоархив ИИМК РАН. Q 696.34)

Fig. 2. Excavations of 1893. Drawing by V. V. Khvoiko (Photographic archive of ИИМК RAS. Q 696.34)

и иногда других животных, большинство которых было обуглено и перемешано с золой или углями... Большая часть костей была довольно крупных размеров. Но одни из них оказались обугленными до неузнаваемости, а сохранность других была так плоха, что при всей осторожности нам очень редко удавалось извлечь цельный экземпляр» (Хвойко 1896: Л. 6).

При продвижении раскопок к югу был встречен ещё один углистый горизонт, залегающий почти на 0,7 м ниже. Он имел пепельно-чёрный цвет и состоял из угля, золы и различных костей. Упомянуты также обгоревшие куски дерева — вероятно, окаменевшие обломки третичной древесины, часто попадавшие в дальнейшем. Здесь также имелись утолщения зольно-углистой массы, аналогичные упомянутым, вероятно, остатки кострищ. Кремнёвых предметов встретилось больше, чем в верхнем горизонте, найдены небольшие куски янтаря неопределённой формы. Сохранность костей была хуже, в особенности тех, которые залежали уже в третичной синей глине.

В 1894 г. та же полоса культурного слоя была вскрыта на 7 м далее к югу. На основном пространстве нового участка имелись оба горизонта культурных остатков. Их общий характер оставался тем же, но они приобрели ещё большую выразительность. «Они содержали в себе множество угля, золы, обуглившихся костей, кусков дерева, разбитые кости и черепа разных крупных животных, большинство которых было обуглившихся, особенно в тех местах, где полоса была толще и кости лежали целыми кучами» (Там же: Л. 8).

Основной целью работ 1895 г. являлись стратиграфические наблюдения. С западной стороны была прирезана полоса культурного слоя шириной 4–4,5 м. При этом верх западной стенки раскопа оказался на месте перехода склона в поверхность мыса, что дало возможность П. Я. Армашевскому наблюдать полный разрез (Армашевский, Антонович 1897: 23; Армашевский 1902: 142). Культурный слой памятника фиксировался на глубине 17 м (Армашевский 1902: 142) или 17,5 м (Хвойко 1896: Л. 10). Содержимое горизонтов, видимо, не представило чего-либо нового, поскольку, несмотря на довольно значительную площадь участка, оно едва упомянуто. Тем не менее, желая выяснить, какое пространство занимают утолщённые участки слоёв, В. В. Хвойко расчистил некоторые из них целиком и пришёл «к полному убеждению, что места эти не что иное, как давние потухшие костры (очаги) с остатками разбитых костей разных животных» (Там же: Л. 9).

Небольшие раскопки 1896 г. проводились к югу от предшествовавших (см. рис. 1Б). В рукописях и публикациях общие размеры площади, вскрытой в 1893–1896 гг., определены в 23,5 × 10,5 м, то есть около 240 кв. м. С учётом этого раскоп 1896 г. должен был иметь длину около 3 м. Но в одном случае протяжённость вскрытой площади определена в 35 аршин, то есть около 25 м (Хвойко 1897: Л. 1). Это даёт длину раскопа 1896 г. около 5 м. Оба культурных горизонта, наблюдавшиеся в конце работ 1895 г., продолжались и в раскопе 1896 г., но нижний (в общем счёте средний) был выражен слабее. В нём обнаружилось несколько крупных костей, изредка попадался кремён. Наиболее полные сведения о раскопках этого периода содержатся в двух работах (Хвойко 1896; 1901).

Таким образом, верхний горизонт залегал на всей площади раскопок 1893–1896 гг., средний (на 0,3–0,4 м ниже) отмечен на небольшом юго-западном участке и, как и верхний, он уходил в стенку раскопа. Нижний горизонт, располагавшийся ещё на 0,3–0,4 м ниже, имел в плане вид обширного пятна, не до-

стигавшего краёв раскопа. Одновременно в стратиграфической позиции наблюдались один-два горизонта. Массовым элементом культурного слоя во всех случаях был костный уголь. Верхний горизонт отличала меньшая выраженность и наличие по внешнему краю большого количества крупных костей мамонта, главным образом бивней. Кремень имелся в виде малочисленных разрозненных находок. В нижнем горизонте его было несколько больше.

Культурные горизонты залежали на относительно ровной, слегка наклонной к востоку поверхности краевой части мыса. Состав и распределение остатков свидетельствуют о том, что они отложились на месте. П. Я. Армашевский указывал на отсутствие сортировки и окатанности предметов (Армашевский 1902: 142). Такие признаки означали бы разрушение культурного слоя, но нет оснований предполагать и значительно меньшую его потревоженность. Насыщенность прослоек культурными остатками свидетельствует о важной роли восточного края мыса в жизни поселения. Это пространство не могло продолжительно находиться в заброшенном состоянии. Поэтому естественные отложения, разделяющие прослойки, скорее носили сезонный характер. Возможно также, что с восточной стороны уже имелся временный или постоянный источник воды.

«Гнёзда» культурных остатков на северо-западном краю мыса

В первые же годы раскопок культурные остатки были обнаружены и в обнажении с противоположной, северо-западной стороны мыса (см. рис. 1А). Они тянулись в виде тонкой прослойки на протяжении нескольких саженей (Армашевский, Антонович 1897: 3). В 1897 г. в связи с посещением памятника членами геологического конгресса на этом месте была раскопана полоса шириной 4–4,5 м и длиной около 28,5 м на глубину от верха мыса на 19 м. Чётко выступили четыре прослойки, глубина залегания которых по разным источникам находилась в пределах от 10–12 до 15–16 м.

Согласно публикации (Хвойко 1901) и черновым материалам за 1897 г., верхняя прослойка находилась на глубине 13–14 м. В ней встретились две линзы культурных остатков диаметром около 2 м, залежавшие на одном уровне в 2 м друг от друга. Они содержали, главным образом, большое количество расщеплённого кремня, кремнёвые желваки и немного расколотых костей животных. В этой или нижележащей прослойке был найден зуб пещерного медведя. Костей мамонта не было. На один метр ниже также залежали две линзы культурных остатков размерами около 2,1 × 1,75 м с таким же заполнением, включавшим несколько обломков костей мамонта.

Ещё на 0,7 м ниже, на глубине 14,7–15,7 м, были выявлены одно или два пятна угля общими размерами 1,6–1,25 м. Вблизи основания песчаной толщи на глубине 18 м была обнаружена линза культурных остатков размером 2,1 × 1,4... 1,8 м. По составу материалов она напоминала две верхние прослойки. В ней содержалось множество расщеплённого кремня и сравнительно мало костей, в большинстве своём расколотых или раздробленных. Среди них были один или два зуба пещерного медведя и два-три кусочка бивня мамонта. Необработанные кремни встречались в прослойках иногда целыми кучами. П. Я. Армашевский упоминает, в частности, о куче из нескольких сот желваков, обнаруженной в каком-то горизонте, и о часто попадавшихся нуклеусах (Армашевский 1902: 143).

В ходе наблюдений во время промышленной разработки пород мыса в 1899 г. выяснилось, что площадь пространства с «гнездами» культурных остатков не превышала 30 × 20 м (Хвойко 1901: 745) или, по черновым записям, 30 × 16 м. В количестве около 20 они находились в тех же четырёх горизонтах. В целом «гнезда» представляли собой округлые или овальные скопления золы, пережжённых костей, небольшого количества угля, раздробленных костей мамонта и других животных, а также многочисленных кремней. Они имели чёрный или пепельный цвет. Диаметр некоторых скоплений достигал 2 м или несколько больше, мощность достигала 5–10 см (Там же).

Работы 1899–1902 гг.

С 1899 до 1902 г. на Кирилловском мысу могли проводиться лишь наблюдения за съёмкой грунта. Для нужд кирпичного завода требовалась третичная синяя глина, залегавшая ниже подошвы четвертичных пород. В письме А. А. Спицыну (черновой вариант с сохранением пунктуации. — В. С.), датирующемся, судя по содержанию, второй половиной 1899 г., В. В. Хвойко писал: «...не желая, чтобы такой редкий и по своему значению памятник исчез бесследно, с большими затруднениями спасаю что могу. Несмотря на разные иногда весьма неприятные препятствия неблагоприятную погоду и опасность за жизнь я по целым часам наблюдаю за ходом работы и по возможности с моим рабочим который находится безотлучно на месте занимаясь выемкой бесчисленного множества костей мамонта, костей других животных и кремней. В продолжении трёх недель, помимо других костей, удалось вынуть из культурного слоя одних нижних челюстей (разного возраста мамонта) 15 штук, некоторые из костей носят на себе следы разных царапин и ударов так что наружный их вид ясно показывает что они были в руках человека и даже служили некоторого рода орудием.

Расположение находимых предметов зарисовываю сейчас же на месте а сбранные днем кости, вечером очищаю и для предохранения их от дальнейшей порчи, подвергаю ещё дополнительной препарации.

Я надеюсь получить полную картину тех следов деятельности которые оставлены тогдашним человеком на указанном месте. Подробное описание этого будет мною непременно со всеми подробностями представлено Импер. арх. комиссии» (Научный архив ИА НАНУ. Арх. Хвойко. Письма от В. В. Хвойко).

В. В. Хвойко вёл наблюдения до 1902 г. Затем кирпичный завод, видимо, бездействовал. В начале 1920-х гг. выемка грунта была продолжена. К этому времени относится последний эпизод изучения памятника, продолжавшийся, вероятно, в течение одного сезона. Он связан с именем Л. Е. Чикаленко. Его не удовлетворяла геоморфологическая характеристика участка Кирилловского поселения, данная В. В. Хвойко и П. Я. Армашевским. Он отметил, в частности, что сведения о древнем рельефе ограничиваются у них указанием на наклон поверхности поселения в сторону Днепра.

Л. Е. Чикаленко произвёл зачистку обнажений и шурфовку участка вблизи скрытой части мыса. Системой шурфов он пытался найти культурный слой на контакте синей глины с вышележащими породами в соседней с востока усадьбе Тритшеля, но результаты его наблюдений не известны. В архиве ИА НАН Украины имеется лишь начало отчёта (Розкопки на місці розкопаной д. Хвойко Ки-

рилівської стоянки. Научный архив ИА НАНУ. Арх. Л. Е. Чикаленко. Л. 5, 6). В конце 1930-х или в 1940-е годы добыча глины для кирпичных заводов возобновилась (Пидопличко 1969: 23). Судя по удалённости сохранившейся части мыса от Кирилловской ул. в 70-е годы прошлого века, последняя выемка грунта была относительно небольшой.

Земляные работы 1899 г. (рис. 3) позволили В. В. Хвойко установить стратиграфию отложений (рис. 4). В процессе наблюдений выяснилось, что культурный слой кроме северо-восточной стороны распространялся и по центральной полосе мыса. Он залегал на сравнительно ровной, плавно изогнутой поверхности, имевшей небольшой уклон к северо-востоку, в сторону Днепра. Съёмка грунта велась интенсивно. Землекопы загружали вереницы подвод, отвозивших землю. В этих условиях В. В. Хвойко смог проследить общие особенности размещения культурных остатков, отразив свои впечатления в записях и на рисунках. Рисунки изображают культурные остатки на мысу, обнаруженные до конца 1899 г. Иллюстраций, связанных с масштабной разработкой толщи мыса в 1900 г. и менее масштабной разработкой в 1902 г., найти не удалось. Судя по имеющимся рисункам и описаниям, в 1893–1899 гг. была вскрыта вся площадь поселения. За её пределами находок было мало (см. рис. 1Б). Поэтому в последующие годы В. В. Хвойко уже не уделял памятнику прежнего внимания, переключившись на другие исследования.

«Кострище» и полоса крупных костей мамонта

Разработка пород мыса началась с его оконечности. Проводя наблюдения в 1899 г., В. В. Хвойко с помощником вынимали и доставляли в музей кости и другие предметы. Вначале на самом конце мыса стали обнаруживаться нижние челюсти, а также другие целые и обломанные кости мамонта без следов действия огня. Они располагались по всей ширине мыса и на расстояние до 22,5 м к тыльной его части. Далее от окончания мыса пространство, занятое костями, суживалось, а восточнее показался «новый культурный слой» — параллельная костям полоса золы, пережжённых и обломанных костей шириною 15–18 м и мощностью 0,4–0,5 м. Она описана как громадное сплошное кострище. В «кострище» упоминаются также куски обгоревшего дерева — окаменевшая древесина из подстилающих третичных отложений (Хвойко 1901).

По П. Я. Армашевскому, максимальная мощность «кострища» достигала 40 см (Армашевский 1902: 142). Длина его составляла около 45 м. В рукописи «Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена» В. В. Хвойко пишет, что оно представляло собой «множество отдельных, а по большей части вместе соединённых кострищ, которые, находясь не только рядом, одно возле другого, но будучи и расположены друг над другом, образовывали сплошной культурный слой» (Научный архив ИА НАНУ. Арх. Хвойко. № 7, Л. 2). Некоторые кострища залегали уже не в серо-зеленоватом песке, вмещавшем культурный слой, а на синей глине, выделяясь на её фоне большими золисто-чёрными пятнами. Кроме этого объекта имелось ещё несколько крупных кострищ и множество кострищ обычных размеров (Там же). В целом же непосредственно за южным концом «кострища» встречались лишь отдельные пятна золы и углей. Скопление костей продолжалось параллельно кострищу. В нём имелись нижние и верхние челюсти, целые или фрагменты. В двух верхних

Рис. 3. Кирилловский мыс после промышленной разработки 1899 г.
(Фотоархив ИИМК РАН. О.1253/21-31)

Fig. 3. Kirillovsky promontory after quarrying works of 1899
(Photographic archive of IHMC RAS. O. 1253/21-31)

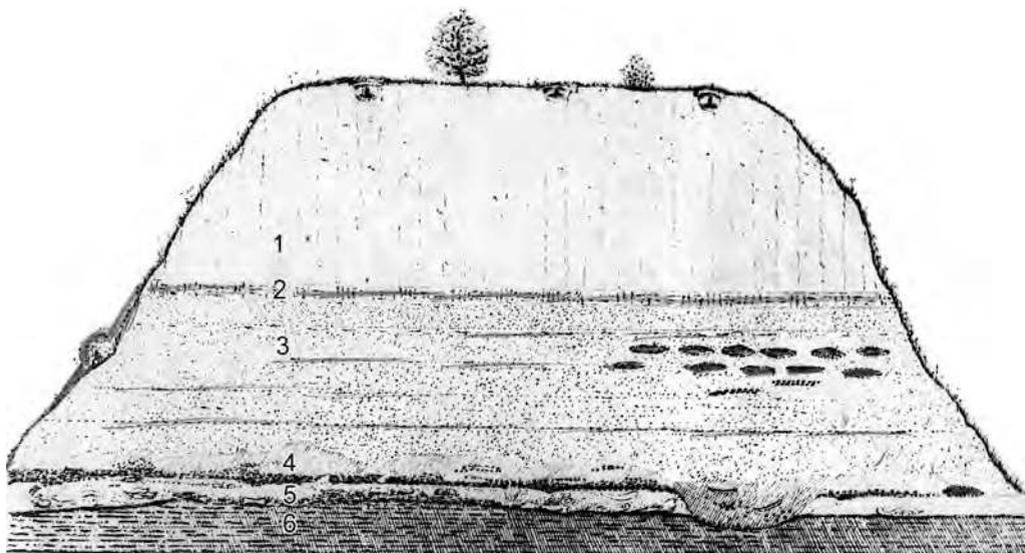

Рис. 4. Стратиграфия отложений Кирилловского мыса: 1 — лёсс; 2 — суглинок; 3 — слоистые пески; 4 — коричневый песок с окраской окислами железа и валунами внизу; 5 — серо-зеленоватый песок с костями мамонта, углями, кремнёвыми орудиями; 6 — синяя глина (по Хвойко 1901: рис. 2)
Fig. 4. Stratigraphy of the promontory deposits: 1 — loess; 2 — loam; 3 — layered sands; 4 — brown sand with iron oxides and boulders at the bottom; 5 — grey-greenish sand with mammoth bones, coals, flint tools; 6 — blue clay (after Khvoiko 1901: fig. 2)

челюстях сохранились бивни. Обычными были кости конечностей, лопатки, позвонки и другие кости мамонта, реже попадались кости других животных.

Общее представление о положении находок можно составить по рисункам В. В. Хвойко, изображающим панораму остатков поселения (рис. 5–7). Она представлена в романтизированном стиле, характерном для иллюстраций археологических раскопок в XIX в. В основе её лежат отдельные зарисовки, которые, как упоминалось, делал сам В. В. Хвойко в ходе наблюдений за работами 1893–1899 гг. Им был составлен также и план культурных остатков (рис. 8). На изображениях показано относительно мало костей, а их размеры не соотнобразуются с величиной мыса или масштабом, который проставлен на плане. Но благодаря превышению масштаба кости хорошо различимы и, вероятно, передают общий характер скоплений.

Полоса крупных костей мамонта продолжалась до дальнего конца «кострища», хотя отдельные кости встречались на всём протяжении работ 1899 г. На плане на восточном краю изображены бивни и другие кости, встреченные в первые годы раскопок. По-видимому, изображение «кострища» в целом также сделано на основе использования планов первых раскопочных лет. Затем они были приложены к общему плану с восточной стороны. Это видно и по конфигурации данного участка на плане. Полоса с находками бивней в краевой части раскопок 1893 г. растянута на всё протяжении «кострища» (см. рис. 8). Совпадает также описание культурных остатков двух сближенных горизонтов культурного слоя на восточном краю мыса и «кострища», наблюдавшегося в 1899 г. По-видимому, при изображении «кострища» В. В. Хвойко опирался на составленные ранее планы. Мощность культурного слоя в «кострище», как следует из приведённых заметок П. Я. Армашевского, была изменчивой. В нём имелось много обломков костей, хорошо заметных на плане. По-видимому, восточная сторона мыса служила для обитателей поселения основным местом хозяйственной деятельности.

Крупные кости мамонта, входившие в скопление, параллельное «кострищу», согласно суммарной характеристике, не имели следов воздействия огня. В большинстве своём они сохранились не целиком. Состояние костей, по замечанию В. В. Хвойко в одном из рукописных отчётов, было близким к полному разложению. Он связывал это с наличием ключей в толще мыса. Но коллекционные материалы находятся в сохранности, близкой к обычной для поселений Среднего Поднепровья. Бивней было встречено около 100, включая около 20 экземпляров с восточного края мыса. Верхних челюстей было много, но даже приблизительные подсчёты отсутствуют. Недостаточно ясен вопрос и о числе нижних челюстей. Их было не менее 53 (Хвойко 1901: 145, 146), но в письмах И. А. Линниченко и Д. Н. Анучину (Научный архив ИА НАНУ. Арх. Хвойко. Письма чешских авторов, с. 212, 227) указано, соответственно, 67 и 70 этих костей. Можно лишь гадать, сколько крупных костей, важных для подсчётов, могло быть пропущено в процессе земляных работ.

В уже цитированнейшей выше рукописи «Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена» В. В. Хвойко заметил, что основную часть костей мамонта составляли нижние и верхние челюсти, части черепов, лежащие одиночно или по несколько вместе зубы, тазовые кости, кости конечностей, позвонки, целые бивни и их части (Научный архив ИА НАНУ. Арх. Хвойко. № 7, папка 2, вар. 4. Л. 2). Это те кости, которые использовались в позднелепестовом строительстве в бассейне Днепра и в Костёнках. Не указаны только лопатки, но они отмечены в других случаях.

Рис. 5. Культурные остатки на Кирилловском мысу. Рис. В. В. Хвойко (по Пидопличко 1969: рис. 7)
Fig. 5. Cultural remains on Kirillovsky promontory. Drawing by V. V. Khvoiko (after Pidoplichco 1969: fig. 7)

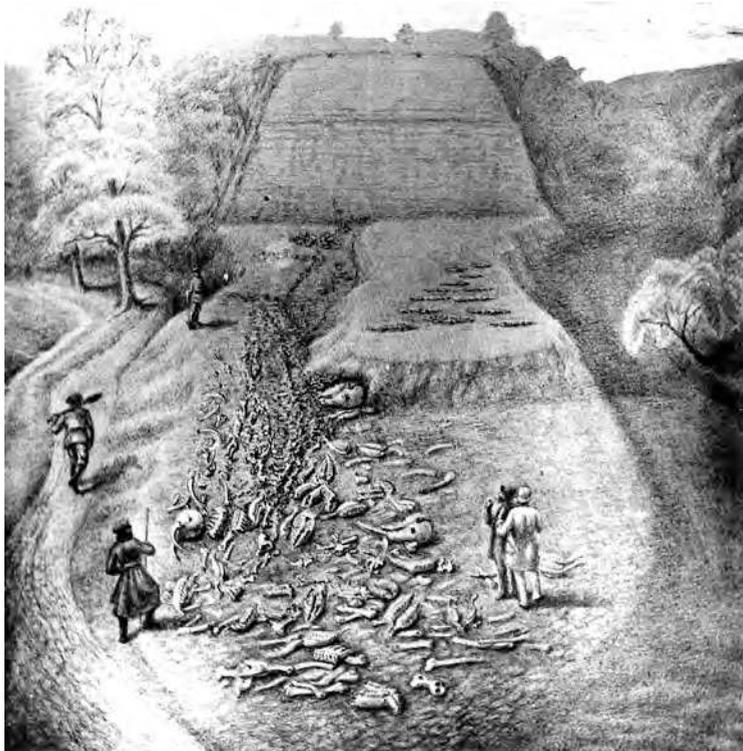

Рис. 6. Культурные остатки на Кирилловском мысу. Рис. В. В. Хвойко (Фотоархив ИИМК РАН. Q 696.36)

Fig. 6. Cultural remains on Kirillovsky promontory. Drawing by V. V. Khvoiko (Photographic archive of IHMC RAS. Q 696.36)

Рис. 7. Культурные остатки на Кирилловском мысу. Рис. В. В. Хвойко (Фотоархив ИИМК РАН. Q 696.30)

Fig. 7. Cultural remains on Kirillovsky promontory. Drawing by V. V. Khvoiko (Photographic archive of IHMC RAS. Q 696.30)

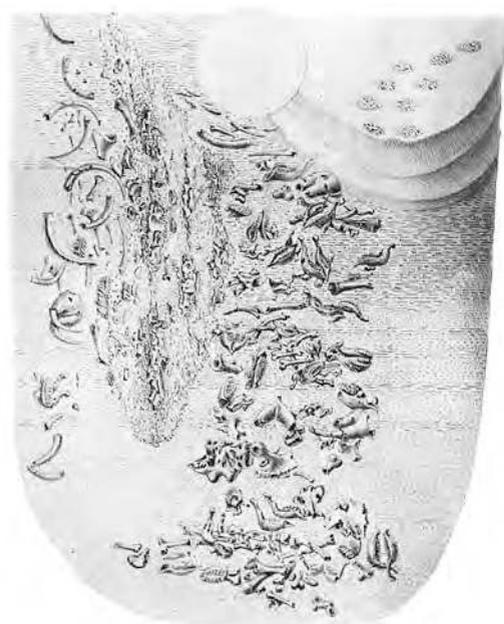

Рис. 8. План культурных остатков
(по Хвойко 1901: рис. 5)
Fig. 8. Plan of cultural remains
(after Khvoiko 1901: fig. 5)

Интерпретация материалов культурного слоя

Перед исследователями, обращавшимися к материалам памятника, вставали два главных вопроса: 1) каким могло быть поселение, представленное скоплением костей мамонта и «кострищем»? 2) в каком отношении оно находилось с ярусами «гнезд» культурного слоя в отложениях западной части мыса? П. И. Борисковский выделял на памятнике верхний и нижний слои. Нижний слой представлялся ему остатками осёдлого поселения большой группы охотников на мамонтов, аналогичного Пушкарям 1, Гонцам, Костёнкам 1, Авдеву, возможно, с обширными земляночными жилищами. Он был отнесён к раннему мадлену (Борисковский 1953: 157, 164, 174). О верхнем слое П. И. Борисковский писал: «Характер человеческого поселения в верхнем горизонте, как мы видим, коренным образом отличается от нижнего горизонта. Это территория небольших жи-

лищ, на которой производилась обработка кремня. Признаки оседлости здесь выражены в значительно меньшей степени, чем в нижнем слое. Исчезает и развитая охота на мамонта. Тип палеолитического поселения... более напоминает стоянки, распространяющиеся в самом конце позднего палеолита, в позднемадленское время» (Там же: 174, 175).

И. Г. Пидопличко, основываясь на новых материалах об использовании костей мамонта при сооружении жилищ на поселениях бассейна Днепра, считал, что такие же постройки имелись на Кирилловском мысу (Пидопличко 1969). Им была предложена реконструкция плана поселения, состоявшего из трёх жилищ, располагавшихся по средней линии мыса (рис. 9). Она основана на плане, составленном В. В. Хвойко (см. рис. 8). Нельзя не заметить, что на плане скопление крупных костей мамонта, кроме размещения полосой, делится на три соразмерные части, из которых средняя и в менее выраженном виде северная имеют округлые очертания. В каждой части имеются фрагменты черепов и более многочисленные нижние челюсти мамонта. Причём в северной и особенно в средней части хорошо заметно расположение этих костей в основном по краю.

Всего по краю полосы больших костей изображено не более десяти крупных частей черепа мамонта, и трудно судить, какие из них в первоначальном виде могли бы использоваться в «ограждении» жилищ. И. Г. Пидопличко дополнил этот план костями, определёнными им на других рисунках, и на его итоговом плане-реконструкции по контуру предполагаемых построек обозначен-

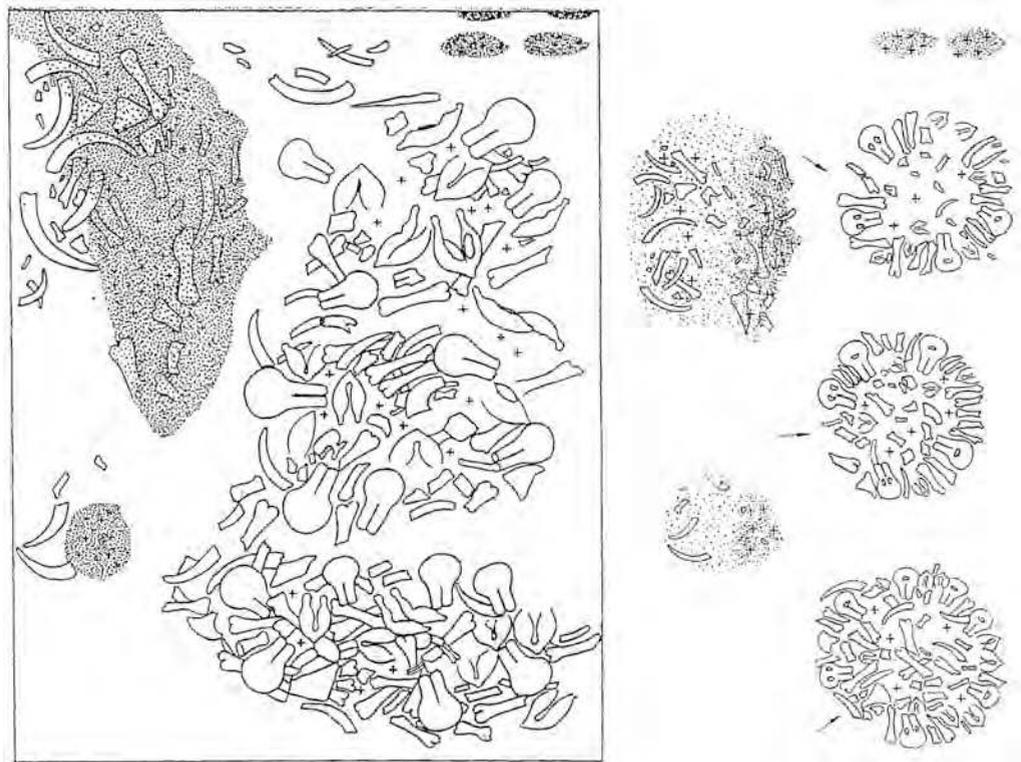

Рис. 9. Реконструкция поселения, предложенная И. Г. Пидопличко (по Пидопличко 1969: рис. 8, 9)
 Fig. 9. Reconstruction of the settlement suggested by I. G. Pidoplichko (after Pidoplichko 1969: figs. 8, 9)

ны в целом 16 черепов (см. рис. 9). Из рисунков, по которым дополнялся план, им приведён один (см. рис. 5). Его выполнение И. Г. Пидопличко отнёс к 1894–1895 гг., то есть ко времени, когда велись раскопки восточной стороны памятника. На самом деле, как отмечено, этот рисунок, а также два других рисунка (см. рис. 6, 7) и план (см. рис. 8) отражают и результаты раскопок памятника, и, главным образом, наблюдения в период земляных работ 1899 года.

На всех них показана полоса бивней на восточном краю мыса, «кострище», массив крупных костей мамонта и «гнезда» культурных остатков, то есть все составляющие части памятника. На плане скопление крупных костей имеет удлинённую форму, а на рисунках, в соответствии с перспективой, оно представлено как бы в сжатом виде. Не заметив этого обстоятельства, И. Г. Пидопличко полагал, что на рис. 6 изображено одно, первое от конца мыса жилище. При подсчёте относящихся к нему черепов были также учтены черепа, опознанные им на других, не приведённых в его книге рисунках, и на плане. Черепа, входившие в конструкцию двух других жилищ, устанавливались И. Г. Пидопличко по среднему и дальнему расширениям полосы крупных костей (см. рис. 8). Очевидно, что и подсчёт черепов первого предполагавшегося им жилища можно было вести только по плану.

Фрагменты костей черепа на плане и рисунках мало напоминают черепа из «ограждений» известных жилищ Поднепровья. Вероятно, это связано с плохой сохранностью костей, отмеченной В. В. Хвойко, и с условиями разработки и вывоза грунта, при которых не было возможности расчистить и зарисовать черепа. Под лопатами они ломались, и можно было наблюдать лишь крупные их фрагменты. И. Г. Пидопличко считал, что рисунки дополняют друг друга. Однако на них и на плане в одних и тех же местах чаще всего изображены разные кости, а одни и те же кости — в разных местах. Наиболее сходны рис. 6 и 7 (на последнем отсутствует часть переднего плана). Не станем вдаваться в выяснение возможных причин этих расхождений. Рисунки, а также и план, представляют собой мозаики из многих зарисовок, делавшихся до конца 1899 г. Но план был попыткой отобразить реальное пространственное положение функционально разных частей памятника и характерные их особенности.

Учитывая условия, в которых проходило работать В. В. Хвойко и его помощнику, кажется невероятным, что им удалось пронаблюдать сомкнутые концентрации крупных костей мамонта, напоминающие развалы жилищ. Это обстоятельство можно объяснить повышенной способностью В. В. Хвойко как художника запоминать форму и пространственное соотношение предметов, а также выразительностью объектов и более благоприятными условиями, в которых велись наблюдения в начальный период промышленной разработки пород Кирилловского мыса.

Всё же имеющиеся материалы недостаточны, чтобы по ним можно было восстановить конкретные детали поселения. На аналогичных поселениях жилища окружены хозяйственными ямами с большим количеством костей, в том числе крупных, включая черепа. В связи с этим полоса костей Кирилловского поселения может отражать существование не жилищ, а жилищно-хозяйственных комплексов. Ширина полосы скорее соответствует поперечнику жилищно-хозяйственных комплексов. Но в материалах по Кирилловскому поселению отсутствуют свидетельства возможного наличия хозяйственных ям. Не зная о существовании ям на поселениях, их вообще было бы трудно заметить в условиях ускоренной разборки грунта. Ямы могли и отсутствовать ввиду близости грунтовых вод, или их углублённость была небольшой и они остались незамеченными.

И. Г. Пидопличко считал, что ямы могли находиться недалеко от места первоначальных раскопок (Пидопличко 1969: 41), где в разных местах при земляных работах встречались различные кости мамонта (см. рис. 1А), целые и обломки, по несколько и поодиночке (Хвойко 1901: 747). Но эти кости находились слишком далеко от предполагаемых жилищ, чтобы иметь к ним какое-нибудь отношение.

Наблюдения, сделанные при ознакомлении с фаунистической коллекцией

Об отсутствии принципиальных отличий Кирилловского поселения от близких по культуре памятников свидетельствуют остеологические материалы. В 1980 и 2006 гг. мне удалось бегло осмотреть часть коллекции костей мамонта, хранящейся в Государственном историческом музее Украины. Сохранность их различается. Так, у половины тазовой кости а10/7, имевшей светло-серый (грязновато-белый) цвет, вся поверхность, особенно во впадине, трещиновата.

Поэтому неясно, отбиты её выступающие части или же они разрушились естественным образом. Во многих местах обнажилась губчатая структура кости. Ребро мамонта а10/8 тёмно-бурое, с отбитым дистальным концом. Кость очень плотная. Дистальный конец расщепился и сохранил эластичность. Видимо, подстилающая третичная глина препятствовала вымыванию органики из лежащих на ней костей. На внешней стороне ребра параллельно друг другу расположены сближенные желобки.

Из более крупных костей осмотрены две кости конечностей и череп мамонта. В плечевой кости а10/9 длиной 67,5 см было сделано углубление в частично обломанной верхней части. Оно имело вид конуса с закруглённой вершиной, обращённой вниз (рис. 10, 1). Глубина отверстия 27 см, диаметр поверху около 12–13 см. Поверхность выемки ровная, местами с продольными бороздками. В проксимальном конце бедра а10/10 также была вырезана губчатая костная ткань, и на уровне углубления край кости был наискось сбит или выломан.

В части (без мозговой коробки) очень крупного черепа а10/2 сохранились бивневые альвеолы. Расстояния спереди от концов альвеол до места их соединения, находившегося в глубокой впадине, около 74 см. Правая альвеола длиной 76 см сохранилась до верха, где она, по-видимому, была вскрыта. Её передняя поверхность залощена, если это не след консервации. Левая альвеола сбоку и сзади отбита и не залощена.

Крупные кости конечностей мамонта с углублениями, проделанными в концевой части, или со сбитым эпифизом, открывавшим естественную полость, характерны для культурно близких поселений Приднепровья и Десны. Так, три бедренные кости были вкопаны в пол мезинского жилища. Их торчавшие вверх концы были отбиты (Шовкопляс 1965: 53). Эти кости, вероятно, входили в причающую конструкцию. Бедренная кость со сбитым проксимальным концом, в отверстие которого был вставлен обломок лучевой кости, отмечена в первом межиричском жилище (Пидопличко 1969: 127). Во входной части гонцовского жилища была вкопана плечевая кость, верх которой оказался сбитым, а губчатая ткань вырезанной. Вблизи жилища имелась вкопанная бедренная кость. Её верхний конец был также отбит, полость диафиза открыта.

Череп мамонта с разрушенными по основанию мозговыми коробками — одна из наиболее заметных деталей остатков построек на поселениях данного типа. В оставленном завалившемся жилище после разрушения древесной основы черепа возвышались над большинством других костей. Однако тонкие кости сводов успевали разрушиться до того, как развалины покрывались делювием. Состояние кирилловского черепа вполне соответствует характеру сохранности черепов в «ограждениях» этих жилищ. Большие размеры кирилловского черепа, кроме того, напоминают об использовании крупных черепов при оформлении входа в Мезине и Гонцах.

Находки за пределами непрерывного культурного слоя

В 1895 г. на расстоянии около 20 м к востоку от места раскопок при исследовании древнерусского кладбища попала часть бивня и два обломка посткраниальных костей мамонта, а в находящемся на этом участке ручье была найдена часть бивня мамонта длиной около 0,5 м. В следующем году более чем в 40 м к востоку от раскопа были найдены два бивня от разных особей и несколько

других разбитых костей мамонта (см. рис. 1А). На одном фрагменте сохранились следы крупных сколов и иных повреждений. Все кости имели плохую сохранность (Научный архив ИА НАНУ. Арх. Хвойко. Письма. Л. 15). Как отмечено, на восточном краю поселения наиболее многочисленными были именно бивни. Сходство находок на краю поселения и за его пределами можно объяснять тем, что и там, и там осуществлялась некая однородная деятельность. Должно быть, она была связана с разделкой туш мамонтов, части которых затем обрабатывались в зоне «кострища».

Второй участок с находками находился южнее полосы крупных костей мамонта (Хвойко 1901: 18; рис. 1Б). На нём за поселением встречались отдельные кострища и кости. В одном месте находилась группа из нескольких костей, залежавших вместе с крупными частями стволов окаменевших деревьев. Далее, на расстоянии около 110 м от первых находок костей в концевой части мыса и в 50 м от полосы крупных костей мамонта, на синей глине был найден хорошо сохранившийся череп носорога, а ещё дальше на 10–12 м — комплекс предметов.

Вещи комплекса были приурочены к четырём лежавшим рядом друг с другом обугленным прикорневым частям крупных стволов деревьев хвойной породы, определённых как кипарис (Пидопличко 1969: 31). Диаметр одного ствола составлял около 2 м. Здесь имелись три нижних челюсти мамонта и бивень молодого мамонта длиной около 1,7 м с продольным желобком шириной 4 и глубиной 3 см и с множеством зарубок на краях. Представлены и некоторые другие кости мамонта, а также несколько кремнёвых изделий. Все эти предметы перемежались более мелкими костями и углём, но в значительно меньшем количестве, чем в культурном слое поселения. В таком контексте был найден известный землекопный инструмент из бивня со сложным гравированным рисунком. И. Г. Пидопличко предполагал, что на данном месте имелся четвёртый бытовой комплекс с жилищем, лишь частично разведанный В. В. Хвойко (Там же: 40, 41). Однако участок с отмеченными находками был полностью охвачен земляными работами (см. рис. 1Б), и всё основное, что на нём имелось, ограничивается упомянутыми предметами.

Соотношение культурного слоя и «гнёзд» культурных остатков

Наиболее сложной проблемой при установлении общего характера памятника является выяснение хронологического соотношения культурного слоя и горизонтов с «гнёздами» культурных остатков западной стороны Кирилловского мыса. Недостаточно ясно и соотношение во времени самих «гнёзд». Основываясь на данных и мнении П. Я. Армашевского и А. П. Павлова, В. И. Громов считал, что толща слоистых песков, в средней и нижней части которых обнаружены «гнёзда», однородна и не содержит никаких разделительных горизонтов. В связи с этим все «гнёзда» были отнесены им к одному геологическому горизонту (Громов 1948: 80, 83).

Несмотря на значительную разницу глубины залегания культурного слоя и верхних горизонтов с «гнёздами», В. И. Громов отметил, что геологические, фаунистические и археологические данные не позволяют с полной уверенностью относить их к разным стадиям палеолита. Более того, он считал возможным, что горизонты «гнёзд» и нижний культурный слой являлись различ-

ными элементами единого жилого комплекса (Там же: 83). Тем не менее, при окончательном определении своей позиции он согласился с существовавшим в то время мнением геологов и археологов, различавших на памятнике верхний (все уровни «гнёзд») и нижний культурные слои, залегающие в двух различных по возрасту геологических горизонтах и относящиеся к двум различным стадиям позднего палеолита (Там же).

И. Г. Пидопличко, напротив, после исследований И. Г. Шовкопляса в Мезине и Добраничевке и собственных раскопок в Межириче пришёл к выводу о синхронности культурного слоя и прослоек с «гнёздами». Он полагал, что значительное превышение верхних уровней «гнёзд» над культурным слоем определено В. В. Хвойко ошибочно, поскольку, проецируя их на вертикальный разрез (см. рис. 4), он не учёл степени наклона террасы к Днепру от места с «гнёздами» до разреза. Однако соотношение уровней «гнёзд» фиксировалось В. В. Хвойко непосредственно на месте их нахождения, и в той же части мыса по обеим его сторонам был чётко установлен уровень залегания культурного слоя. Превышение верхних «гнёзд» над культурным слоем, видимо, было значительным, но судя по данным, приведённым выше, на разрезе оно несколько преувеличено. Можно полагать, что нагромождения песка, выносимого потоками из оврага с западной стороны мыса, оканчивались с востока, перед краем культурного слоя, крутым склоном.

Основной и по существу единственной причиной, заставившей В. И. Громов присоединиться к мнению П. Я. Армашевского и А. П. Павлова, являлось наличие между слоистыми и серо-зеленоватыми песками слоя железистого песчаника, валунов и железистых сростков мощностью около 1,5 м, обозначенного В. В. Хвойко в подписи под разрезом как «песок с окраской железа и с валунами внизу» (Хвойко 1901: рис. 2). Но и ссылаясь на присутствие этого слоя, В. И. Громов сомневался в его маркирующем значении, так как профили, проведённые В. В. Хвойко, являлись результатом интерполирования, не подтверждённого описанием опорных колонок и специальными наблюдениями. Он указывал также на то обстоятельство, что значение данного уровня в качестве пограничного слоя не было подчёркнуто в работах П. Я. Армашевского и А. П. Павлова (Громов 1948: 81).

Действительно, в материалах П. Я. Армашевского — единственного геолога, непосредственно наблюдавшего за работами на Кирилловском мысу, — горизонт с валунами не указан. В разрезе, полученном в конце раскопок с восточной стороны, он выделял мощный пласт лёсса, бурые слоистые суглинки и серые глинистые пески. Культурный слой залегал в нижнем пласте, в серых песках, и хорошо прослеживался как с восточной, так и с западной стороны мыса (Армашевский, Антонович 1897: 23). В данном случае горизонты «гнёзд» и основной культурный слой поставлены в одну стратиграфическую позицию. Позднее они были разведены и порода, вмещающая нижний слой, определена как серые и зеленовато-серые глинистые пески (Армашевский 1902: 142). Пограничный слой из песчаника и валунов также не был упомянут.

В связи с тем что валунный слой указан В. В. Хвойко, необходимо понять, что он имел в виду. Стратиграфические наблюдения наиболее детально отражены в архивных материалах. В рукописном отчёте о раскопках 1893–1896 гг. («Раскопки, произведенные мной в ус. г. Зивала по Кирилловской ул. в 1893–1896 гг.») для восточного края мыса перечислены следующие отложения (Научный архив ИА НАНУ. Арх. Хвойко. Письма чешских авторов, Л. 7–10):

1. Лёсс — 12 аршин (8,5 м).
2. Мелкозернистые пески вперемежку с полосами того же лёсса.
3. Серые пески с тонкими слоями серой глины внутри них и под ними.
4. Широкая полоса крупнозернистых песков с окраской железной окиси. Пески плотные, крепко соединённые твёрдой коркой. В сухие дни с трудом проходятся ломами.
5. Мелкозернистые пески зеленоватого цвета со значительным количеством слюдяных чешуек. В верхней части слоя, рядом с костями, но выше верхнего углистого горизонта, изредка попадались валуны величиной с кулак. Верх слоя на глубине 25 аршин (17,8 м).

По наблюдениям 1899 г. и отчасти, возможно, 1897 г. на противоположном западном краю мыса описан следующий разрез:

1. Лёсс — 10 м.
2. Бурый слоистый суглинок — 1,5 м.
3. Слоистые, местами сыпучие серые крупнозернистые пески, включающие верхние культурные горизонты «гнезд» (на глубине 13–14 м). Представляли собой залежь, местами превратившуюся в песчаник. Мощность 6 м.
4. Железистый песчаник — слой валунов и железистых сростков, местами исчезающий, а местами появляющийся на значительном протяжении. Мощность 1,5 м.
5. Серо-зеленоватые пески мощностью около 1 м.
6. Синяя глина, залегающая с глубины 19,5–21 м.

Стратиграфия обеих сторон мыса одна и та же, хотя характер отложений имеет заметные различия. Плотный крупнозернистый песок слоя 4 пропитан окислами железа. Эта особенность более характерна для него с западной стороны, и там же в слое отмечено значительное содержание валунов. С восточной стороны в слое 4 валуны не отмечены, они встретилось там в прослойках культурного слоя (слой 5) в 1893 и 1894 г. В 1893 г. в нижележащей углистой прослойке среди костей несколько раз наблюдалось по 1–2 валуна величиной «с кулак». В 1894 г. встретилось 2–3 подобных же валуна (Хвойко 1901: 6). Такая представленность и приуроченность валунов на восточной стороне памятника свидетельствует о том, что они были принесены и использовались людьми. Позднее В. В. Хвойко не выделял «валунный слой». Он указал, что серо-зеленоватый песок вверху сменился «слоями крупнозернистого песка, перемешанного кое-где (с западной стороны мыса. — В. С.) с валунами и сростками железистой окиси» (Хвойко 1903: 32). То есть слои 3 и 4 это один и тот же слой 3. Номер 4 дан по западной его части, где слой местами содержал валуны и более ожелезненные участки.

В. И. Громов рассматривал песок, перекрывший культурный слой, как балочные отложения, накопление которых началось до освоения местности человеком (Громов 1948: 87, 88). Он относил все «гнезда» к одному геологическому горизонту. Значительное сходство «гнезд» по размерам, форме и характеру содержимого указывает на их однородность как культурного явления, а локализация «гнезд» на одном и том же участке мыса делает вполне возможной, несмотря на мощность вмещающей толщи, появление их в течение короткого промежутка времени. Первое «гнездо» культурных остатков возникло, когда крупнозернистый песок и захваченные им валуны стало выносить потоками из оврага с западной стороны. После накопления слоя мощностью около 1,5 м энергии потока стало недостаточно, чтобы забрасывать валуны выше, и их по-

ступление прекратилось. Появление первого «гнезда» в основании песчаной толщи ещё при накоплении валунов говорит о возможности использования западного участка в одно время с поселением. Не менее значимыми косвенными свидетельствами в пользу этого служат особенности размещения культурного слоя и «гнезд» на мысу и характер кремнёвого инвентаря.

Все четыре уровня «гнезд», как указывалось, находятся на одном и том же участке мыса. Эту приуроченность трудно объяснить случайным совпадением выбора места для предполагаемых разновременных стоянок. Сомнительно также определение «гнезд» в качестве стоянок, то есть самостоятельных поселенческих единиц. Пятна культурных остатков маленькие, кости животных представлены в них небольшим количеством мелких фрагментов. В целом в «гнездах» содержалось большое количество каменного сырья и продуктов раскалывания. По-видимому, они являлись местами работы под открытым небом в тёплое время года. Расположение их на возвышении вне «кострища» и полосы крупных костей могло быть связано с неудобством использования захламленного пространства жилой зоны и меньшим количеством гнуса на более продуваемом участке.

Наблюдения, сделанные при ознакомлении с коллекцией каменных изделий

П. И. Борисковский, обработавший коллекцию кирилловского кремня, писал: «Комплекс кремнёвых орудий верхнего слоя (уровней „гнезд“. — В. С.) чрезвычайно сходен с комплексом нижнего слоя. Тот же кремень, тот же характер его патинизации, те же маленькие размеры орудий и те же формы орудий» (Борисковский 1953: 174). Однако сделанные П. И. Борисковским наблюдения не отразились на его интерпретации памятника. Найти им иное объяснение мешали общие представления об эпохальных изменениях в характере охоты, степени осёдлости и типе поселений.

Коллекция кирилловского кремня позволяет сделать и некоторые другие наблюдения, касающиеся соотношения во времени разных уровней «гнезд» с объектами культурного слоя. При просмотре коллекции кирилловского кремня были найдены три фрагмента серого цвета, из которых подобралась пластина длиной 8,5 см (рис. 10, 2). Концевая её часть, согласно рукописному каталогу, числится в нижнем слое, а средняя часть и основание — в верхнем (Каталог Киевского исторического музея 1897. Т. I, кн. 1), то есть в одном из «гнезд». Первичные шифры указанных частей соответственно 18, 3557 и 3819. Более поздние шифры: а10/78, а10/162 и а10/153. Учитывая аккуратность работы В. В. Хвойко и небольшие размеры коллекции, вероятность смещения материалов незначительна. Малая величина первичного номера конца пластины показывает, что фрагмент был найден в малочисленных сборах начала первого периода исследования памятника, в 1893 г. Он, естественно, не мог пролежать незашифрованным вплоть до 1897 г., когда в коллекцию поступили первые кремневые изделия из «гнезд». Нетрудно также заметить, что шифры 1893 и 1897 гг. написаны в разной манере и, видимо, не одной и той же рукой.

В 1897 г. в «гнездах» были собраны кремни, обозначенные в каталоге с № 3435 по № 3992. В этом году были раскопаны, как отмечено, по два «гнезда» в двух верхних горизонтах и одно в самом нижнем, четвёртом. Два верхних

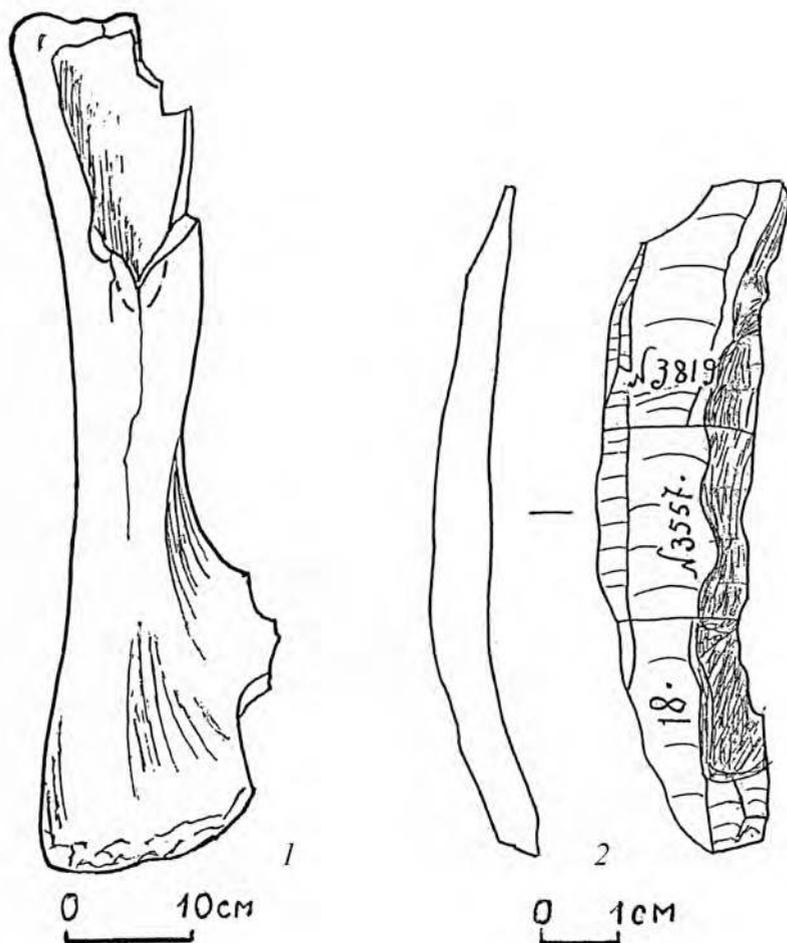

Рис. 10. Вещи из коллекции Кирилловского поселения: 1 — плечевая кость мамонта с выемкой на проксимальном конце; 2 — пластина, собранная из трёх фрагментов
Fig. 10. Objects from the site collection: 1 — mammoth humerus with a notch at the proximal end; 2 — blade refitted from three pieces

и нижний горизонт содержали большое количество кремня. Третий горизонт был представлен кострищем без кремня или с малочисленными его находками. Допустим, что объём кремневого материала в «гнездах», кроме третьего, был относительно близким. Полагая также, что шифровка кремня происходила в порядке сбора его в процессе раскопок, можно думать, что средняя часть пластины найдена в первом (скорее) или во втором горизонте. Основание пластины могло залегать во втором или четвёртом горизонте. Но поскольку нижняя её часть, не будучи оформленным орудием, едва ли находилась в обращении дольше, чем средняя, оба фрагмента скорее всего были обнаружены в одном и том же горизонте. Вероятнее всего это был второй горизонт. Таким образом,

фрагменты пластины могут свидетельствовать о связи культурного слоя поселения с «гнездами», в частности, со вторым горизонтом «гнезд».

Один случай нахождения частей предмета в разных объектах устанавливается предположительно по сходству своеобразной окраски кремня. Кусок кремня 1051 (а10/349) из культурного слоя в центральной части мыса со светло-серой, слегка желтоватой корочкой происходит, вероятно, от того же желвака, что и отщепы 3768 (а10/136) и 3785 (а10/139), найденные в «гнездах». Шифры свидетельствуют о происхождении отщепов скорее всего из второго горизонта. Систематический просмотр коллекций может увеличить число подобных примеров. В общем плане в пользу синхронности культурного слоя и «гнезд» свидетельствует малочисленность кремня, полученного в раскопках 1893–1896 гг. (при совершенно неопределённой утрате его при вскрышных работах 1899 г.). Она служит указанием на «гнезда» как источник снабжения поселения кремнёвыми изделиями.

Заключение

Облик Кирилловского поселения недостаточно ясен, но, в отличие от однотипных памятников, оно было вскрыто полностью. В.В. Хвойко отождествлял его размеры с площадью разработанной части мыса. Простое умножение двух параметров, относящихся к 1893–1900 гг. (130 × 70 м), дало площадь более 9000 кв. м, а добавление к ней участка 1902 г. — свыше 10 000 кв. м, и такое определение получило хождение в литературе. При более строгом учёте размещения культурных остатков площадь поселения, не считая участки с разреженными находками и отдельными костями, можно оценить примерно в 1200–1300 кв. м. Ещё 100–150 кв. м приходится на «гнезда». Сведения о периферии являются ценной информацией, которой всегда недостаёт при раскопках относительно долговременных памятников.

Большое количество культурных остатков в культурном слое Кирилловского поселения свидетельствует о продолжительном обитании на нём, что предполагало сооружение жилищ и максимальное использование примыкающего пространства. Жилища не могли находиться в отрыве от обширной зоны активной хозяйственно-бытовой деятельности, от «кострища». С учётом типа жилищ на культурно близких памятниках следами их на Кирилловском поселении могла быть лишь примыкающая к «кострищу» полоса крупных костей мамонта. Её размеры, состав и общий характер планировки не противоречат такой идентификации. С ней согласуется и состояние некоторых крупных костей из музейных сборов. Количество жилищ, исходя из размеров полосы, не могло быть более трёх-четырёх. Вероятно, поселение состояло из трёх компактно расположенных в линию жилищно-хозяйственных комплексов. Жилища, судя по количеству изображённых на плане частей черепа и нижних челюстей мамонта, могли быть небольшими. Отсутствуют данные, по которым можно было бы судить о наличии хозяйственных ям.

Основой дальнейших исследований памятника может быть не только более полное использование архива и коллекционных сборов В.В. Хвойко, но и обращение к наследию других участников работ. Было бы важно установить репортёров и иных лиц, наиболее активно интересовавшихся памятником. Они могли оставить датированные записи, заметки и фотографии.

Литература

- Армашевский П. Я. 1902. О стоянке человека палеолитической эпохи по Кирилловской улице в Киеве. В: Уварова П. С., Слуцкий С. С. (ред.). *Труды XI Археологического съезда в Киеве*. Т. II. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 141–143.
- Армашевский П. Я., Антонович В. Б. 1897. *Публичные лекции по геологии и истории Киева*. Киев: Типография К. Н. Милевского.
- Борисковский П. И. 1953. *Палеолит Украины*. М.; Л.: Изд-во АН СССР (Материалы и исследования по археологии СССР 40).
- Громов В. И. 1948. *Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. (Млекопитающие, палеолит)*. М.: АН СССР (Труды Института геологических наук 64, серия 17).
- Пидопличко И. Г. 1969. *Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине*. Киев: Наукова думка.
- Радиевская Т. Н., Беленко Н. Н. 2011. Первый археологический опыт Викентия Хвойки. В: Платонова Н. И. (ред.). *История археологии: личности и школы*. СПб.: Нестор-История, 32–40.
- Хвойка В. В. 1913. *Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена*. Киев: Типография Товарищества Е. А. Синькевич.
- Хвойко В. В. 1896. *Раскопки, произведенные в усадьбе г. Зиваля в г. Киеве на Подоле по Кирилловской ул., № 59*. Научный архив ИИМК РАН. Ф. I. 1896. № 199.
- Хвойко В. В. 1897. *Раскопки Кирилловского поселения в 1897 г.* Научный архив ИИМК РАН. Дело Археологической комиссии. 1897. № 63.
- Хвойко В. В. 1901. Каменный век среднего Приднепровья. В: Уварова П. С., Слуцкий С. С. (ред.). *Труды XI Археологического съезда*. Т. II. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 736–812.
- Хвойко В. В. 1903. Киево-Кирилловская палеолитическая стоянка и культура эпохи мадлен. *Археологическая летопись Южной России* 1, 26–36.
- Шовкопляс И. Г. 1965. *Мезинская стоянка*. Киев: Наукова думка.

References

- Armashevskii P. Ia. 1902. O stoinanke cheloveka paleoliticheskoi epokhi po Kirillovskoi ulitse v Kieve. V: Uvarova P. S., Slutskii S. S. (red.). *Trudy XI Arkheologicheskogo s"ezda v Kieve*. T. II. Moscow: "Pechatnia A. I. Snegirevoi" Publ., 141–143 (in Russian).
- Armashevskii P. Ia., Antonovich V. B. 1897. *Publichnye lektsii po geologii i istorii Kieva*. Kiev: "Tipografiia K. N. Milevskogo" Publ. (in Russian).
- Boriskovskii P. I. 1953. *Paleolit Ukrainy*. Moscow, Leningrad: "Izd-vo AN SSSR" Publ. (Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR 40) (in Russian).
- Gromov V. I. 1948. *Paleontologicheskoe i arkheologicheskoe obosnovanie stratigrafii kontinental'nykh otlozhenii chetvertichnogo perioda na territorii SSSR. (Mlekopitaiushchie, paleolit)*. Moscow: "Izd-vo AN SSSR" Publ. (Trudy Instituta geologicheskikh nauk 64, seriia 17) (in Russian).
- Pidoplichko I. G. 1969. *Pozdnepaleoliticheskie zhilishcha iz kostei mamonta na Ukraine*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Radievskaiia T. N., Belenko N. N. 2011. Pervyi arkheologicheskii opyt Vikentiia Khvoiki. V: Platonova N. I. (red.). *Istoriia arkheologii: lichnosti i shkoly*. St. Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 32–40 (in Russian).
- Khvoika V. V. 1913. *Drevnie obitateli Srednego Pridneprov'ia i ikh kul'tura v doistoricheskie vremena*. Kiev: "Tipografiia Tovarishchestva E. A. Sin'kevich" Publ. (in Russian).
- Khvoiko V. V. 1896. *Raskopki, proizvedennye v usad'be g. Zivalia v g. Kieve na Podole po Kirillovskoi ul., № 59*. Scholarly archive of IHMC RAS. F. I. 1896. № 199 (in Russian).

- Khvoiko V.V. 1987. *Raskopki Kirillovskogo poseleniia v 1897 g.* Scholarly archive of IHMC RAS. Delo Arkheologicheskoi komissii. 1897. № 63 (in Russian).
- Khvoiko V.V. 1901. Kamennyi vek srednego Pridneprov'ia. V: Uvarova P. S., Slutskii S. S. (red.). *Trudy XI Arkheologicheskogo s"ezda v Kieve*. T. I. Moscow: "Tipografiia G. Lissnera i A. Geshelia" Publ., 736–812 (in Russian).
- Khvoiko V.V. 1903. Kievo-Kirillovskoiia paleoliticheskaia stoianka i kul'tura epokhi madlen. *Arkheologicheskaia letopis' luzhnoi Rossii* 1, 26–36 (in Russian).
- Shovkopliias I.G. 1965. *Mezinskaia stoianka*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).